

СРЕДИ ПЕСКОВ И СКАЛ

КЛАУС ПОЛКЭН

ВОИНЫ И РАБЫ

МАВРИТАНСКОЕ общество, как, кстати сказать, и все народы Сахары, состоит из пяти четко разграниченных классов. Верхний социальный слой составляют племена хассани — воинов. Они считают себя потомками арабов, проникших сюда в XIV—XV веках. В прежние времена они жили в основном благодаря дани, которую племена менее знатного социального происхождения обязаны были им платить. Такой паразитический образ жизни привел, в частности, к тому, что хассани были сплошь и рядом неграмотными, так как считали ниже своего достоинства учиться чему-либо. Когда в ходе истории и другие, первоначально ниже их стоявшие племена, взяли за оружие, чтобы захватывать добычу или защищать себя, племена воинов потеряли свое значение.

Колониальные власти пытались возродить эту касту. Из рядов хассани французская администрация рекрутировала свои колониальные войска. Относительно высокое денежное вознаграждение, которое получали такие солдаты, способствовало тому, что эти племена морально совершенно разложились. Процесс деколонизации привел к полной деградации этих бывших хозяев страны, ибо безграмотные и деморализованные, они были абсолютно непригодны для руководящих постов в независимой Мавритании.

С независимостью пробил час для племен марабутов, стоявших на следующей за хассани ступеньке социальной иерархии. Племена марабутов слыли носителями науки и знания. Они владели арабской письменностью. Просвещенные марабуты сыграли важную роль в торговле. С течением времени среди них сложилась известная дифференциация. Как отголосок прошлого, в Мавритании существуют племена под названием «марабуты тени», которые обязаны платить дань племенам хассани, в то время как «марабуты солнца» пользовались независимостью.

Племена воинов и марабутов имели вассалов, которые принадлежали к третьей социальной группе. У хассани вассалы назывались ченегас, у марабутов — теламидами. Эти вассалы — те

же берберы, попавшие в свое время под господство других племен. В принципе их жизнь не отличается от жизни их повелителей. Существенное различие между ними состоит лишь в том, что они не могут стать собственниками пастбищ или земли, пригодной для земледелия.

Четвертая группа — харратины — вольноотпущенники. Если первые три группы состоят исключительно из берберов, то среди харратин много выходцев из областей южнее Сахары, из Тропической — «Черной» — Африки, которая была для мавританских племен постоянным поставщиком рабов. Рабов, которые составляли последнюю, пятую, категорию в мавританской общественной структуре, имело каждое племя. Их именовали «палаточными рабами» и употребляли для работ по хозяйству. Они были «движимым имуществом», частной собственностью и передавались по наследству. Правда, эти рабы не были нищими. Они представляли собою незаменимую рабочую силу и жили не хуже своих господ. Вольноотпущенники из них чаще всего избирали оседлый образ жизни и занимались земледелием или торговлей.

Хотя мавританцы исповедуют ислам, они остались верны многочисленным доисламским обычаям. Так, английский этнограф Бригс сообщает, например, о старой традиции, сохранившейся у племени улед-тидрани, владения которого включают пригодную для обработки землю. Здесь стоит упомянуть, что, вопреки общепринятым представлениям, обитатели Сахары хорошо знакомы с земледелием. Улед-тидранины занимаются им, в частности, на севере пустыни, в уздах — естественных низинах различной величины, где даже при относительно малых количествах осадков скапливается влага. Поэтому в уздах встречаются даже деревья. Посев здесь зерновые, племя откочевывает в другие места и в известный срок возвращается, чтобы убрать хлеб. Богатый урожай отмечается особым торжественным танцем, в котором имеют право участвовать лишь девушки и юноши. Они выстраиваются в два ряда лицом друг к другу. Один из юношей открывает танец, выступая вперед и направляясь к стоящей против него девушке; он кладет к ногам девушки подарок — чаще всего немного чая, сахара или какое-нибудь украшение. Затем он возвращается на свое место. Теперь девушка выступает вперед, сбрасывает

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 10 за 1970 год.

Жители пустыни.

сывает одежды, поднимает подарок и обнаженная возвращается в свой ряд. После того как, то же самое сделают все, начинается экзотический танец.

Этот танец, разумеется, резко контрастирует с моралью и правилами поведения, предписываемыми исламом, и, без сомнения, является пережитком обряда плодородия.

СКОЛЬКО ВЕРБЛЮДОВ НУЖНО ЧЕЛОВЕКУ?

Скотоводство в Мавритании базируется на кочевке от одного пастбища к другому. Оазисы, которые сделали бы возможным оседлый образ жизни, встречаются здесь только в виде исключения. В 1950 году во всей Мавританской Сахаре не было места, в котором произрастало бы более тысячи финиковых пальм, в то время как в больших сахарских оазисах счет пальмам идет на десятки тысяч.

Из-за отсутствия воды вся жизнь каждого члена кочевого племени превращается в тяжкий труд. Воду здесь нередко приходится достав-

лять за 50 километров. Прогрессирующее высыхание Сахары сказывается на всем жизненном укладе мавританцев и имеет своим следствием уменьшение поголовья скота (в Рио-де-Оро, например, в 1946 году насчитывались приблизительно 100 тысяч верблюдов, в 1950 году их оставалось всего 50 тысяч).

В среднем на семью кочевника приходится 25 верблюдов, 15 овец и 40 коз (бедняки имеют не больше трех-четырех коз). Правда, есть исключения. Так, среди племенных вождей на юге встречаются собственники 500 верблюдов, 500 голов крупного рогатого скота и двух тысяч овец.

Скотоводство дает кочевнику молоко, масло, сыр и, наконец, шерсть. Овец стригут раз в год, чаще всего весной. Полученная шерсть не представляет никакой рыночной ценности: вся она разного качества и часто настолько грязна, что никак не может быть продана, но кочевник доволен и такой. Женщины скатают из нее войлок для шатров, соткут ковры и одежду. Режут скот редко. Для этого он слишком дорог. Забивают только старых, уже не имеющих никакой продуктивной ценности животных, и тут используется практически все, даже внутренности — из них изготавливают род бурдюков для хранения жидкостей, из костей делают инструменты и иглы. Понятно то большое уважение, которым окружен у кочевых народов скот.

Жизнь кочевников с нашей точки зрения полна лишений. Те, кому обстоятельства позволяют ограничиться меньшим по расстоянию и времени маршрутом, пользуются еще известным комфортом. Ну а тот, на чью долю выпал длинный путь, вынужден сокращать весь домашний обиход до минимума. Немногим владеет кочевник, кроме своей палатки; циновки и ковры, на которых он спит, котлы и миски, когда-то глиняные, теперь — металлические, деревянная кухонная утварь — вот и все. Жидкости и мука хранятся в бурдюках.

Не только природа враждебна кочевнику. Европейские державы, окончательно завоевав страну, часто закрывали кочевникам их традиционные пути передвижения. В Европе долго бытовало мнение, что тяга к кочевой жизни — своего рода черта характера. Нежелание признать, что в пустыне, вдали от оазисов, это единственно возможная форма существования, привело к враждебной по отношению к кочевникам политике.

Этнограф Жан Биссон исследовал с этой точки зрения одну из подгрупп племени регейбат. Она кочевала между уэдом Драа, Порт-Этьенном и Шингетти в Мавритании, передвигаясь вслед за дождями и из года в год повторяя один и тот же маршрут.

В этих ежегодных странствиях принимало участие не все племя, а лишь несколько семей, каждая из которых кочевала в отдельности. Такая семейная единица состояла из 33 человек, занимающих шесть шатров, и имела 38 верблюдов. Верблюдица дает от трех до четырех литров молока в день, и наряду с финиками верблюжье молоко занимает важное место в питании кочевника. Однако еще важнее верблюдов считаются овцы, которых в каждой группе было по 120.

Регейбаты, как сказано, стоят в социальной иерархии мавританцев на втором месте. Хотя

они чистокровные берберы, сами они относят себя к племени шорфа, то есть к потомкам шерифа (прямого потомка Мухаммеда). Согласно легенде, мифический предок их, благочестивый Ахмед эр-Регейби, в 1503 году пришел в долину Драа из Магриба как исламский миссионер и здесь женился на берберке.

Берберский элемент еще сильно сказывается в семейных отношениях регейбатов. Хотя имущество наследуется по отцовской линии, бабушке в семье отводится весьма привилегированное место.

В торговле регейбаты традиционно ориентируются на север. В апреле и мае они направляются к уэду Драа и пересекают его, чтобы на больших базарах Марокко продать своих знаменитых верблюдов, овец, шерсть и кожи.

Правительства молодых независимых стран в основном правильно оценили проблемы кочевых племен и постарались учесть их желания и нужды. Это, безусловно, побудило алжирские власти провести ежегодный муггар в Тиндуфе и таким образом возместить регейбатам потерю марокканских рынков.

Алжирское правительство придает большое значение развитию Сахары. Хотя до эксплуатации железорудных залежей в Гара-Джебиле еще далеко, ибо первоначально должен быть решен вопрос транспортировки и частичной обработки руды на месте, однако для Тиндуфа в целом уже планируется, строятся и вводятся в действие ряд объектов, которые должны резко

изменить жизнь регейбатов в лучшую сторону. Хотя на первый взгляд и кажется, что житель Сахары живет сегодня, как его предки вчера, это далеко не так. Когда в феврале 1967 года в Алжире происходили выборы в органы местного самоуправления, то и жители Тиндуфа отправились к избирательным урнам. Четыре тысячи оседлых жителей оазиса выбирали городской орган законодательной власти, и 9700 кочующих регейбатов выбирали свой орган самоуправления.

Тиндуф развивается. Вырастают новые улицы, прокладывается водопровод, канализация, возводится почта и больница, школа и интернат — ведь без интерната маленьким кочевникам образование недоступно. В 1968 году уже все дети школьного возраста посещали школу — городским школам было передано шесть вагон-интернатов под жилье для детей кочевников и выделено семь классных помещений специально для них. Теперь предстоит жестокое дискуссии с регейбатами, чтобы они не препятствовали своим сыновьям (а может быть, даже и дочерям) учиться. Вопрос этот не простой. Вернется ли сын в пустыню, чтобы жить в палатках, питаться сушеными финиками и верблюжьим молоком и из года в год со стадом овец и верблюдов кочевать с одного пастбища на другое — захочет ли он вернуться, если получит хоть какое-то образование?

Проблема кочевников занимает сегодня все страны Северной Африки.

Стоянка кочевников.

